

Галина Борисовна ВОЛЧЕК,
актриса, режиссер,
народная артистка СССР.

В 1955 г. окончила школу-студию МХАТа. С 1956 г. играла на сцене московского театра «Современник», в 1972 г. стала главным режиссером этого театра, а в 1989 г. – его художественным руководителем. Среди ее актерских работ роли мисс Амелии («Баллада о невеселом кабачке» Э. Олби, 1967), Марты («Кто боится Вирджинии Вулф?» Э. Олби, 1985), «Грачихи» («Чудотворная» В. Тендрякова) и др. Поставила такие спектакли, как «Обыкновенная история» по И. Гончарову (1966), «Двое на качелях» У. Гибсона, «Эшелон» М. Рощина (1975), «Крутой маршрут» по Е. Гинзбург (1989), «Звезды на утреннем небе» и «Титул» А. Галина, «Анфиса» Л. Андреева, «Мы едем, едем, едем...» и «Мурлин Мурло» Н. Коляды, «Трудные люди» И. Бар-Йосефа, «Пигмалион» Б. Шоу, «Три товарища» по Э. Ремарку, «Вишневый сад» А. Чехова и др. В 1988 г. с труппой американских актеров в США поставила спектакль по пьесе М. Рощина «Эшелон». Ее театр стал первым русским театром, гастролирующим на Бродвее, и стал первым зарубежным театром в Америке, получившим самую высокую театральную премию за спектакль «Вишневый сад». Снималась в кино: «Король Лир» (1970), «Русалочка» (1976), «Осенний марафон» (1979) и др. Кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание».

**Галина
ВОЛЧЕК:**

«ДОЙТИ ДО КОНКРЕТНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Галина Борисовна, о Вас говорят, как о режиссере, несомненно, чрезвычайно талантливо, но порой слишком твердо, жестко, отстаивающим свои позиции. Вы крайне требовательны к актерам. Так ли это?

– Я думаю, что в достижении творческой цели это, безусловно, так. В своей работе я пользуюсь немного странным для художника понятием: «воля к победе». Но для меня здесь заложен скорее энергетический, а не карьерный принцип. Да, иногда, ради дела, мне приходится быть довольно резкой. Хотя зачастую, что касается актеров, то я, наоборот, бываю слишком мягкой. Допустим, если актер на пути спотыкается, если у него что-то не получается, но я вижу, что он весь, до конца, отдается работе, я бываю готова общаться с ним часами по телефону, назначать дополнительное репетиционное время, объяснять, подбадривать. И как угодно долго бережно пестовать его актерскую природу. Меня даже часто ругают мои коллеги: «Разбаловала, посадила на голову...». Обвиняют в том, что «развела любимчиков». Хотя «любимчиков», как таковых, у меня нет, и, как у профессионального режиссера, быть не может. Но у нас в театре есть люди, образно выражаясь, являющиеся для меня кирпичиками, фундаментом, который нельзя

важны внутренние приоритеты. И если я вижу, что человек может пожертвовать Театром ради того, чтобы сыграть концерт, или, того хуже, сказать, мне, мол, надо срочно уехать на съемку – «там же на этот вечер собрана массовка» – это уже нечто другое. Из-за того, что там у него массовка, мы фактически обманываем 800 зрителей, пришедших посмотреть игру любимого артиста. Иногда даже приходится заменять или отменять весь спектакль. Вообще нас так долго растлевали критики, которые не понимали саму природу театра, что произошло разрушение такого незыблемого свойства артиста, как привязанность к той земле, на которой он существует, – к своему Театру. У нас бывали безобразные случаи, когда актер позволял себе брать бюллетень и в это же время играть на стороне в антрепризе. И вот тут-то мы сразу, жестко и твердо от него избавлялись. Но такая жестокость, на мой взгляд, творчески вполне оправдана.

– Вы – яркий, преданный театру человек, вроде бы совсем «неполитический», но в то же время я знаю, что Вы были депутатом Государственной думы Федерального Собрания РФ второго созыва, членом комитета по культуре. Как Вы решились на смещение столь разных ролей в жизни?

– Прежде моя политика была только здесь. В театре. Но мы все не можем жить вне ощущения того, что происходит рядом с нами. За нашими окнами. И очень долго моя политика, трансформировалась лишь в человеческих отношениях, в том, что происходит с душой, с нашей жизнью, с ее изменениями, ее катаклизмами... Когда же меня, на острие того времени, уговорили войти во власть, я еще не знала, какой опыт я из этого вынесу. Но я об этом сейчас не жалею. Ни капельки. Художнику полезен любой опыт, и такой в том числе. По крайней мере, я для себя твердо поняла, что этим я никогда не смогу заниматься.

– Почему Вы решили столь категорично?

– В том виде, как это требуется для профессионала, политическая карьера предполагает полнейший запрет, категорический «красный свет» для любых человеческих отношений. А для меня, как для художника, выше человеческих отношений нет ничего на свете.

– Человеческие отношения – это прежде всего доброта и сочувствие. Я знаю, что Вы, вернее Ваш театр, давно и много помогал детям-сиротам, поддерживал детские дома. Продолжается ли сейчас у Вас эта работа?

Детские годы

ни расколоть, ни перевести на другое место. Но, если я вижу, что для актера, вне зависимости от его положения и возраста, работа в театре перестает быть главным делом его жизни, что для него важнее, скажем, антрепризы, где ему платят гораздо больше денег, чем в «Современнике», тут уж, извините... Да, конечно, я понимаю, когда людям надо заработать, чтобы в наше трудное время накормить семью, купить себе лекарства... Но не по ресторанам ходить, не на фирменные шмотки тратить, а выживать физически. Для меня очень

В спектакле «Ревизор» с Мариной Нееловой

– Продолжается. И будет продолжаться. У нас каждый год бывает детская елка. Это не просто формальная елка, которую мы наряжаем, и Дед-Мороз, который дарит подарки, это – целый спектакль. В нем участвуют многие наши актеры. Наша актриса, Елена Миллиоти, выступает как режиссер этих вдохновенных праздников. И кроме детей наших артистов мы обязательно приглашаем детей-сирот из детских домов и интернатов. И уж всегда к нам целиком приходит наш 105-й детский дом. И это для всех нас очень важно.

– 12 июня состоялась встреча президента РФ В.В. Путина с представи-

А не в том, чтобы выкрикивать лозунги, ходить на какие-то там конференции, получать высокие звания.

– Я знаю, что Вы из актерской семьи...

– Об этом вы можете прочитать в любом издании. Мой папа – Борис Волчек – известный кинооператор, кинорежиссер, профессор ВГИКа. Мама была очень образованная женщина, имевшая два высших образования, которыми она так никогда и не воспользовалась.

– Скажите, что Вас подвигло на то, что Вы стали актрисой? Только ли влияние семьи?

– Я выросла в доме, где жила тогда почти вся театральная и киноэлита страны. Кто только не был нашим соседом. И Пырьев, и Савченко, и Дзыган, и Рошаль и главное – Михаил Ромм. И все они были для меня дяди и тети, с которыми я встречалась каждый день во дворе, в лифте... И этот воздух, эта среда, она что-то сделала со мной. Я не могла не стать артисткой.

– В 1941 году, когда началась война, Вы были совсем крошкой. Наверное, у Вас не осталось никаких воспоминаний?

– Я помню войну только смутно, детскими, обрывочными воспоминаниями. Помню, как была счастлива от того, что куда-то спешим, не понимая, что мы отправляемся в эвакуацию. Мне нравилось садиться на поезд. Радовало, что мы вместе с мамой и бабушкой едем в гости к другой моей бабушке. Папа мне до этого привез из Польши красивый мячик. И я играла с этим мячиком. И это тоже было очень весело. Да, конечно, я видела слезы на глазах взрослых, но не осознавала, по какой причине плакали эти люди. Видела озабоченное бабушкино лицо. Видела, как в Свердловске мама и бабушка ходили на базар менять простыни на еду. Но тогда тоже как-то мало об этом думала.

С Натальей Селезневой

телями неполитических, некоммерческих общественных организаций...

– Это в День независимости России? Я тогда была в Кремле на приеме...

– По итогам этой встречи прошел Гражданский форум. А каким Вы видите гражданское общество в нашей стране? И есть ли, на Ваш взгляд, у России достойное будущее?

– Есть. Безусловно. Я хочу в это верить. Для меня «общество» – очень неопределенное понятие, так же дискредитированное в нашей стране, как понятие «народ». Это очень безличностный подход, а мое дело – позаботиться о каждом человеке. О вас, сидящем в 20 ряду, о вас, которого мы пустили бесплатно в театр на стоячее место, о тех, кого я встречаю на улице, в аптеке, на рынке, в магазине... И нет для меня выше похвалы, и никакие премии, никакие призы, хотя, конечно, приятно получить какую-нибудь высокую награду, так не радуют, как когда я вижу доброту и интерес людей, которые подходят ко мне и говорят: «Спасибо вам, Галина Борисовна, за такой-то спектакль, за ваш театр...» И я тогда понимаю, что мы дошли до этого человека лично, до его души, эмоций, сознания. Это то, чем как раз и занимается художник. В этом его участие в строительстве гражданского общества.

У себя дома

Во время вручения
Золотого Почетного
знака «Общественное
признание»

– **Вы сильно голодали?**

– Нет. Этого не было. По крайней мере, я такого не помню. Помню, как потом мы, вместе с папой, попали в Алма-Ату, куда тогда переехал Мосфильм. Там я жила, как в кино. Видела, как Целиковская лежала в гробу, когда дядя Сережа Эйзенштейн снимал фильм «Иван Грозный». Потом дядя Миша Жаров, брал меня с собой на какие-то мероприятия, потому что своих детей у него тогда не было. Четко запомнился 1945 год. День Победы. Когда Ромм и Кузьмина взяли нас с моей подругой, дочкой Ромма – Наташей, на Красную площадь. Они тогда сказали: «Держитесь за нас. Не потеряйтесь». Но мы, конечно, потерялись. И толпа нас вынесла куда-то на Пятницкую улицу. Нас кто-то угощал конфетами. Мы обе по уши вымазались шоколадом. И пребывали в счастливом расположении духа. Тогда, в свои 9–10 лет, мы были совсем малышами. Не то, что современные ребята. Но все равно в тот день мы сквозь толпу сами добрались до дома.

– **Вы помните, что после войны, когда Россия также переживала не самые лучшие времена, жизнь довольно скоро наладилась?**

– Может быть, это нам теперь так кажется, что жизнь наладилась быстро. А тогда, по-моему, изменения проходили тоже достаточно медленно. Но они

происходили. Однажды, уже в Москве, мама повела нас на рынок. И я впервые за много лет увидела там мороженое. И ленты для косы. Я сказала маме: «Ой, хочу ленты», потом: «Купи мне, пожалуйста, мороженое». Она мне ответила: «У нас мало денег. Выбирай что-то одно. Или ленты, или мороженое». После долгого и напряженного размышления я заинтересовалась: «А нельзя ли взять одну ленту, я ее в одну косу буду заплетать, и пол пачки мороженого». Мама сказала: «Нельзя, выбирай что-то одно».

– **И что Вы выбрали?**

– Ленту.

– **Уже тогда у Вас была удивительная тяга к красоте, которая полностью реализовалась в жизни.**

– Я думаю, что еще не полностью. Ведь никогда нельзя ставить точку, говорить: «Я всего достигла». Иначе вообще ничего не получится.

– **Как Вы считаете, что надо изменить, чтобы жизнь наших людей стала более достойной?**

– Мне нравится, что в последнее время все чаще и чаще звучат хотя бы слова о том, что надо думать о семье, о человеке. У нас сегодня персонафицируется понятие «люди». Это уже не безликий «советский народ», каким мы ощущали себя совсем недавно. И чем больше мы будем думать о конкретном человеке, повышать пенсии, украшать

город, тем лучше будет жизнь наших граждан. Надо создавать праздник. То, что Москва стала ночами ярко освещена, это, на мой взгляд, замечательно. Хочется вечерами пойти посмотреть на улицы. И даже, если тебе грустно, ты просто, выйдя из дому, присоединяешься к чужому веселью. И тебе становится немного лучше просто от того, что вокруг тебя молодые, веселые, нарядные люди. И они ходят по чистому, сверкающему городу. И через все тяготы, трудности, естественные для такого сложного периода, через трагедии, когда встает комок в горле при виде нищих, обездоленных..., я верю, что Бог поможет России.

– **Как Вы думаете, наши дети и внуки будут жить лучше, чем мы жили в их возрасте?**

– Я в этом уверена. Я думаю, что мой сын Денис сегодня живет гораздо лучше, полнее, чем жила я, когда мне было сорок лет, как ему сейчас. Он хороший, интересный режиссер. Я с уважением слежу за его творчеством. У него свой путь. И этот путь, на мой взгляд, крайне интересен. Вообще сын для меня всегда был самостоятельной личностью. Очень яркой, глубокой. И я рада, что у него, у всех современных молодых людей гораздо больше, чем это было у нас, возможностей для самореализации. Больше свободы.

Елена ГРИГОРЬЕВА